

Летний зной, неумолчное стрекотание цикад — идеальное время для сна... нет, для чтения.

После полудня, когда время будто замедляется, из учебных залов Академии Красного Клена доносится мерное гудение голосов, читающих нараспев.

Ученики, прогоняя сон, вновь и вновь повторяют давно заученные тексты, пока последние остатки дремоты не рассеиваются вместе с ритмичным покачиванием голов. Лишь тогда учитель, восседающий на возвышении, поднимается и начинает урок.

Академия Красного Клена была одним из самых известных учебных заведений столицы, и преподаватели здесь были не из простых. Например, перед учениками стоял бывший чиновник, сдавший экзамены на высшую степень, но из-за своей непреклонности не удержавшийся на службе. Однако его знания оставались безупречными, и в академии он нашёл своё место, куда более подходящее, чем интриги императорского двора.

Уроки Учителя Цзэна никогда не были скучными. Он мастерски цитировал классические тексты, приводил примеры, и ученики, сначала сонные, быстро просыпались, погружаясь в его рассказы. Видя их восхищённые и жаждущие знаний взгляды, Учитель Цзэн чувствовал глубокое удовлетворение — это было куда интереснее, чем государственная служба.

С таким настроением и чувством ответственности наставника он всегда вёл уроки с предельной серьёзностью. Поэтому, когда он заметил, что один из учеников витает в облаках, его недовольство было естественным.

— Тан Чжао, — остановив урок, холодно спросил Учитель Цзэн. — Ответь, что такое «девять размышлений благородного мужа»?

Сидящий у окна юноша, только что смотревший на дерево за окном, замешкался, прежде чем осознал, что вопрос адресован ему. Моргнув, он обернулся к явно недовольному учителю и встал:

— Благородный муж размышляет о девяти вещах: о ясности зрения, о чуткости слуха, о мягкости выражения лица, о почтительности облика, о искренности слов, о серьёзности в делах, о вопросе в сомнениях, о последствиях гнева, о справедливости при виде выгоды.

Учитель Цзэн не стал отпускать его, лишь потому что тот ответил правильно, и продолжил:

— Как ты сам оцениваешь своё поведение?

Юноша сжал губы и поклонился:

— Я отвлёкся. Это моя вина. Прошу наказания.

Учитель Цзэн слегка фыркнул:

— Вернись и перепиши «Лунью» десять раз. Принеси через три дня.

Сказав это, он не стал продолжать разбор полётов, выражение лица смягчилось, и он махнул рукой:

— Ладно, садись и слушай внимательно.

Юноша снова поклонился и сел. Теперь он сидел с прямой спиной и сосредоточенным выражением лица, и любой, кто видел его, решил бы, что он поглощён уроком. Однако лишь сам юноша знал, что хотя уроки Учителя Цзэна и хороши, материал он уже давно усвоил. Слушать вновь было не скучно, но и не слишком увлекательно, особенно когда ум был занят куда более важными мыслями.

Приняв позу прилежного ученика, юноша вновь погрузился в свои размышления, и урок незаметно подошёл к концу. На этот раз Учитель Цзэн, взяв книги и указку, удалился, так и не поймав его на рассеянности.

Вдруг чья-то рука легла на плечо юноши:

— Брат Тан, ну ты даёшь... Слишком смел.

Тан Чжао взглянул на руку на своём плече, затем на её владельца — слегка полноватого юношу — и осторожно промолчал.

Чжэн Юань не обиделся, скорее, даже обрадовался. За два года учёбы в одной академии это был первый раз, когда он смог положить руку на плечо Тан Чжао, не вызвав немедленного отторжения. Чжэн Юань ценил красоту во всех её проявлениях, и с первого дня, как Тан Чжао появился в академии, он захотел с ним подружиться. Увы, за два года прогресс был минимальным.

Видя, что сегодня дружба может наконец сдвинуться с мёртвой точки, Чжэн Юань с энтузиазмом продолжил, с ноткой увещевания:

— Брат Тан, будь же повнимательнее. Учитель Цзэн — самый строгий в нашей академии, ты же сам знаешь. Теперь, когда ты ему насолил, десять копий «Лунью» за три дня — это жесть. Ты вообще собираешься завтра домой ехать?

Тан Чжао опустил взгляд, подумал и ответил:

— Нет времени. Завтра не поеду.

Чжэн Юань почувствовал, будто его слегка придушили. Он уже собрался что-то добавить, как неподалёку его позвали товарищи — пора было уходить. Завтра был выходной, и хотя занятия уже закончились, многие ученики собирались домой сегодня, чтобы вернуться к утру послезавтра.

Время расходиться по домам. Как бы усердно все ни учились, каникул и возвращения домой ждал каждый. Но Чжэн Юань не хотел упускать едва наметившуюся дружбу, поэтому, взяв Тан Чжао под руку, потянул его за собой:

— Пошли, пошли, вместе спустимся. Твой кучер наверняка ждёт тебя внизу. Даже если не поедешь, надо же ему сообщить.

Тан Чжао снова взглянул на руку, державшую его за локоть, но на сей раз не стал вырываться.

Академия Красного Клена пользовалась в столице большой известностью и занимала немалую территорию — целый холм принадлежал ей. Учебные корпуса располагались на склоне, и спуск занимал порядочно времени. К тому же, сегодня был день перед выходным, и вниз по тропинке двигалось множество людей.

Тан Чжао смотрел на толпу юношей в одинаковых синих студенческих халатах и испытывал смутное чувство нереальности происходящего.

Неудивительно, что он весь день был не в себе. Кто бы не растерялся, очнувшись после смерти в чужом теле? Да ещё и не в младенчестве, а сразу в отрочестве, вынужденный принять чужую личность и жить чужой жизнью.

Хорошо это или плохо, Тан Чжао пока не мог сказать. Но по крайней мере, оглядываясь на прошлую жизнь, он чувствовал, что никому ничего не должен. А значит, в этой жизни он мог жить для себя... Хотя первоочередной задачей было разобраться в своей новой личности и в том, что его ждёт.

Размышляя об этом, Тан Чжао машинально прикоснулся к своей груди, где под одеждой скрывались плотно обмотанные ткани.

Это было тело женщины, но в академии он существовал под маской юноши. Хотя сама Тан Чжао была знакома с подобными маскарадами не понаслышке, наличие такого секрета сулило определённые сложности.

Он инстинктивно не любил лишние проблемы, но часто выбор был не за ним...

— Брат Тан, чего застыл? Быстрее, спускаемся, — Чжэн Юань снова потянул его за руку, но на этот раз Тан Чжао уклонился. Он вообще не любил, когда к нему прикасались.

Чжэн Юань слегка разочаровался, но уже привык и не стал настаивать, просто подзывая Тан Чжао идти вместе.

Тан Чжао, очнувшийся в этом теле не так давно, не имел конкретных планов и решил последовать за ним.

Сделав пару шагов, он случайно скользнул взглядом по вееру в руках одного из проходящих студентов и замер. На веере не было ни знакомого имени, ни чего-то необычного — лишь дата: «Год Гэнцзы, месяц Синьсы».

Тан Чжао помнил, что умер в год Гэнъинь. Получалось, с тех пор прошло целых десять лет.

Хотя для него эти десять лет были лишь мгновением между закрытием и открытием глаз, осознание этого наполнило его странным чувством, будто прошла целая эпоха... нет, скорее, мир остался прежним, а люди изменились до неузнаваемости.

Что-то болезненно сжалось внутри. Тан Чжао, стиснув губы и нахмурившись, поспешил отвлечь себя чем-нибудь.

Как раз в этот момент они с Чжэн Юанем подошли к главным воротам академии, и впереди, из толпы, вышел ребёнок. Действительно ребёнок, лет десяти, на голову, а то и на две, ниже окружающих студентов, выглядевший среди них совершенно чуждо.

Академия Красного Клена не занималась начальным образованием, и большинство учеников были уже подготовленными юношами. Видя, что ребёнок тоже одет в форму академии, Тан Чжао спросил Чжэн Юаня:

— В академии теперь и малышей обучают?

Чжэн Юань, поняв, о ком идёт речь, взглянул на того:

— Он? Нет, он не обычный ребёнок.

<http://bllate.org/book/15453/1370929>